

К новой теории бессознательного

В. П. Руднев

(РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРОЛОГИИ)*

В статье предлагается новая концепция бессознательного, противопоставляемая автором классическому пониманию бессознательного З. Фрейдом. По мнению автора, главная функция бессознательного состоит вовсе не в вытеснении негативного содержания (как это понимается в классическом психоанализе), но, напротив, в «снабжении» сознания продуктивными творческими содержаниями.

Ключевые слова: бессознательное, психоанализ, Фрейд, Юнг, Мелани Кляйн, Леви-Стросс, Гурджиев, архаический миф, эдипов комплекс, «Золотой век».

To a New Theory of the Unconscious

V. P. RUDNEV

(RUSSIAN INSTITUTE FOR CULTURAL RESEARCH)

A new conception of the unconscious is offered in the article. The author counters it with S. Freud's classical understanding of the unconscious. In author's opinion, the main function of the unconscious involves not the least suppression of negative content (as it is being understood in the classical psychoanalysis), but on the contrary includes «supply» of the conscious with productive creative contents.

Keywords: the unconscious, psychoanalysis, Freud, Jung, Melanie Klein, Lăvi-Strauss, Gurdzhiev, archaic myth, Oedipus complex, «Golden age».

Почему мы считаем неверной господствующую в психоанализе более ста лет идею вытеснения? В большинстве текстов Фрейд отождествлял бессознательное с вытесненным. Вытеснение (нем. — Verdrängung, франц. — refoulement, англ.: repression...) в узком смысле слова — действие, посредством которого субъект старается устранить или удержать в бессознательном представления, связанные с влечениями (мысли, образы, воспоминания). Вытеснение возникает в тех случаях, когда удовлетворение влечения само по себе приятно, но может стать неприятным при учете других требований.

Вытеснение особенно наглядно выступает при истерии, но играет важную роль и при других душевных расстройствах, равно как и в нормальной психике. Можно считать, что это универсальный психический процесс, лежащий в основе становления бессознательного как отдельной области психики (Лапланш, Понталис, 1994).

Итак, вытеснение при истерии. Например, человек получил пощечину, вытесняет это в бессознательное, у него начинается якобы невралгия тройничного нерва, он идет к терапевту, тот ничего не обнаруживает. После долгих мучений человек, наконец, приходит к психоаналитику. Последний укладывает его на кушетку, человек «свободно ассоциирует», вспоминает эпизод с пощечиной, и «невралгия лицевого нерва» проходит (пример Абрахама Брилла, см.: Брилл, 1999).

Нам кажется, что функция бессознательного в принципе другая. Во-первых, если правильна теория вытеснения, то, значит, в бессознательном скапливается только плохое, а это противоречит тому, что из бессознательного при необходимости человек черпает сугубо положительные содержания — вдохновение, например, или чувство глубокой любви.

Функция бессознательного — это не вытеснение из сознания плохих содержаний.

* Руднев Вадим Петрович — доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора «Языки культуры» Российского института культурологии. Тел.: + 7 (495) 959-09-08. Эл. адрес: vprudnev@mail.ru

По нашему мнению, они находятся где-то в другом месте, нам пока не важно, в каком. Бессознательное — это довербальная смысловая сокровищница, содержащая то, что человек воспринимает в подлинном смысле слова. Воспринимает и регистрирует. Поэтому не вытеснение должно быть ключевым словом при построении теории бессознательного, а накопление. Накопление невербальной информации, накопление смыслов. Откуда берутся эта информация и эти смыслы? Они берутся из той части реальности, которую человек в силу зашоренности стереотипами и пустыми словами не может воспринять в буквальном смысле этого слова. Пока ребенок кормится грудью, в бессознательном формируется его любовь и благодарность матери. Когда его приучают к туалету, в бессознательном скапливается альтернатива всему тому, что приписывается obsessивно-компульсивному комплексу. Почему это происходит? Бессознательное хранит только полезную информацию. Бессознательное — это в каком-то смысле сверхсознание, а не субсознание. Как же возникают психические болезни? Они возникают от недостатка, дефицита бессознательного. Все эти истерии, обсессии, депрессии и так далее вплоть до шизофрении возникают от неадекватного восприятия идущей от мира информации. Только сознание, имеющее условный, конвенциональный характер (ложная личность), способно создать болезни. Бессознательное — это высшая совесть человека, которая хранится в глубинах его души, иногда так и не будучи востребована до самой смерти.

Примерно так понимал *коллективное* бессознательное Юнг. Но у Юнга все сложнее: бессознательное опасно. Если погружаться в архетипы, подчиняться им, то пропадешь. Но все равно сны и галлюцинации передают информацию о будущем, и их не надо бояться, но и не надо им поддаваться, надо использовать их на службе у Эго. При остром психозе бессознательное и архетипы «затопляют» Эго, и Эго полностью ими поглощается (Юнг, 1997, 2005).

Все это не значит, что бессознательное в нашем понимании — это хаос или склад или что-то в таком роде. Бессознательное — это система информационных программ. Когда человеку требуется творческая деятельность, не зашоренная стереотипами конвенционального сознания, он черпает ее из бессознательного. Бессознательное глубоко позитивно. Если бы у человека было только конвенциональное сознание, он был бы подобен просто больному животному, не знающему, что такое творчество. Модель Кроу (Crow, 1997), согласно которой человек — это новый вид, потенциально больной шизофренией, однобока. Кроу не использовал понятие бессознательного как альтернативы шизофреническому, здоровой и в высшей степени позитивной альтернативы. Чем более богато бессознательное человека, тем более он является творческой личностью. Бессознательное не отвечает на вопросы типа «Что такое дерево?». Это бессмысленные вопросы, игра словами, но когда понадобится построить дом, именно бессознательное помогает человеку это сделать, актуализировав программу построения дома, которая формируется так же постепенно, как любовь и благодарность. Можно сказать, что шизофрения — это обратная сторона бессознательного, это такое положение вещей, когда человек, загроможденный, перегруженный стереотипами, не может более пребывать среди них, но и не может выйти из них в нужном направлении. Тогда он видит бессознательное как страшное и ужасное, каким видели его Шребер, Даниил Андреев и в определенном смысле Мелани Кляйн. Такая модель бессознательного — это проекция собственной шизофреничности.

Когда Гурджиев говорил о подлинной Сознательности и подлинной Совестью, глубоко зарытой в человеческой душе, он имел в виду именно это позитивное бессознательное в нашем понимании, только воспринятое неподготовленным индивидом и поэтому воспринимающееся как ужасное. Вот этот знаменитый фрагмент:

«Сознательность, — говорил Гурджиев, — является таким состоянием человека, когда он чувствует все одновременно, все, что он в действительности ощущает или просто вообще может ощущать. Вместе с тем, поскольку в каждом человеке роятся тысячи противоположных чувств, начиная с глубоко запрятанного понимания собственной ничтожности и разного рода страхов и заканчивая наиболее абсурдными чувствами самолюбия, самоуверенности, самоудовлетворения и самовосхваления, чувствовать все это сразу не просто болезненно, но в буквальном смысле невыносимо. Если бы человек, чей внутренний мир состоит из противоречий, вдруг ощутил бы все эти противоречия одновременно внутри себя, если бы он вдруг почувствовал, что он любит все, что ненавидит, и ненавидит все, что любит; обманывает, когда говорит правду, и говорит правду, когда обманывает; и если бы он мог почувствовать позор и ужас всего этого, то такое состояние можно было бы назвать “сознательностью”» (Успенский, 2003: 214).

Таким образом, не в самом бессознательном творится хаос, а в больном его восприятии, обусловленном тошнотой от смешивания стереотипов конвенционального сознания.

В определенном смысле, поскольку, как можно видеть, в бессознательном господствует модальный синкретизм («он любит все, что ненавидит, и ненавидит все, что любит; обманывает, когда говорит правду, и говорит правду, когда обманывает»), бессознательное можно приравнять к мифу. Миф — это особое состояние сознания. В мифологическом сознании другое время и пространство; время циклично (один из основных мифов человечества — это миф о вечном возвращении). Когда появляются историческое сознание, представление о будущем, которое не повторит прошлого, мифологическое начинает ломаться, демифологизироваться. Отсюда и возникает представление о нем как о рассказе в духе «Преданий и мифов Древней Греции» — это вытянутые в линию, искусственно наделенные чертами повествова-

тельности мифологические «остатки». Вот как пишет Клод Леви-Стросс в этой связи о задаче мифолога:

«Мы будем рассматривать миф так, как если бы он представлял собой оркестровую партитуру, переписанную несведущим любителем, линейка за линейкой, в виде непрерывной мелодической последовательности; мы же пытаемся восстановить его первоначальную аранжировку» (Леви-Стросс, 1985: 167).

Рассмотрим особенности мифологического сознания на примере мифа об Эдипе. Эдип по неведению убивает своего отца и женится на своей матери. Важно при этом, что он становится царем и что отец его был царь. Вот первая характерная черта архаического мифа: ритуальное убийство престарелого царя, ветхого жреца. Этому посвящена огромная книга Дж. Фрейзера «Золотая ветвь». Ритуальное убийство царя связано с культом умирающего и воскресающего бога. В мифологическом сознании Эдип и отец его Лай суть две стадии одного человека, это и есть умирающий и воскресающий бог-царь.

А что такое соитие с матерью? Как говорили в Древней Руси, «Богородица — мать-сыра земля». Земля, мать — это олицетворение плодоносящего начала и одновременно субститут царской власти как овладения матерью-родиной. Ведь Эдип, овладев Иокастой, своей матерью, тем самым овладел городом Фивы, стал царем Фив. Почему же Эдип ослепил себя? В мифе об Эдипе действует особая диалектика зрения как слепоты и слепоты как зрения. Эдип видел своего отца, видел свою мать, но тем не менее совершил все эти поступки, а слепой старец-андрогин провидец Тиресий знал всю эту историю заранее от начала до конца. Стало быть, внешнее зрение ничего не стоит. Так пусть же его не будет вообще. И Эдип выкалывает себе глаза, чтобы отныне видеть все внутренним зрением (говорят, что так же поступил философ Демокрит, который ослепил себя, чтобы лучше видеть).

Итак, в мифе об Эдипе слились и аграрный миф, и миф об умирающем и воскресе-

саящем боге. Убийство отца и инцест — явления поздние, т. е. поздним является их осознание как чего-то ужасного. В обществе с эндогамией инцест был обычным делом. А первые люди вступали в инцест в силу обстоятельств; с кем же еще было им вступать в связь, ведь больше, кроме них, никого не было? Если же мы вспомним, что черпаем сведения об Эдипе из лиризованных, лишенных «партитуры» рассказов и трагедии Софокла, а также вспомним то, что мы говорили о мифологическом языке и сознании, то, в сущности, никакого в современном смысле убийства отца и инцеста не было.

Леви-Стросс же вообще считал, что главное в мифе об Эдипе совсем другое — вопрос, заданный мифологическим сознанием: как рождается человек, от одного человека или от двух? Современные представления о том, как рождается человек, — очень поздние, все мифологические герои рождаются каким-нибудь экзотическим, с нашей точки зрения, образом: из головы отца, от наговора, от укуса какого-то насекомого и так далее. Наконец, они просто вырастают из земли. Леви-Стросс обращает внимание на то, что Эдип был хромым, ведь ему в детстве перерезали сухожилия, и на то, что в имени его отца Лая (что значит «левша») кроется намек на «проблемы» с конечностями. Леви-Стросс толкует это как остатки архаического представления о том, что человек вырос из земли, а весь миф об Эдипе — как пробуждающееся любопытство к тому, как же это происходит на самом деле, в этом, по Леви-Строссу, и смысл эдипова комплекса, который он тоже считает частью мифа об Эдипе, ибо миф не знает времени (Леви-Стросс, 1985: 168).

Надо сказать, что фрейдовский эдипов комплекс не имеет отношения ни к мифу, ни к бессознательному. Это исторически обусловленный комплекс, который не имеет ничего общего с тем позитивным пониманием бессознательного, которое развивается в нашей работе. Миф и бессознательное имеют прежде всего креативную функцию. Вот почему говорить о том, что в бессозна-

тельное вытесняется все плохое, запретное, вряд ли имеет смысл. Так называемый эдипов комплекс — это просто обучение объектным отношениям, научение общаться с первичными объектами, обучение любви и ненависти. Ничего общего с бессознательным это не имеет. Эдипов комплекс — это стереотип, который психоаналитик навязывает пациенту — как в свое время показали в книге «Анти-Эдип» Делез и Гваттари (Делез, Гваттари, 2007).

Как и все противопоставления, противопоставление любви и ненависти — это противопоставление нашего сознания, его эмоциональный стереотип. Когда они сливаются в шизофреническом сознании, когда шизофреник одновременно любит и ненавидит, это является карикатурой на бессознательное. Бессознательное ничего не любит и не ненавидит. Оно предоставляет сознанию информационные программы, когда ему это нужно. Но это нужно для любви, а не для ненависти. Когда человек преисполнен любви, это действуют антистереотипные бессознательные импульсы, когда же он преисполнен ненависти, это действуют стереотипы его ложной личности. Почему мы считаем, что любовь рождается из бессознательного, а ненависть имеет своим источником сознание? Потому, что бессознательное в нашем понимании — это нечто позитивное и креативное. Ненависть не имеет никакого отношения к творчеству. Это деструктивное начало. Любое проявление агрессии — это обученное проявление. В определенном смысле можно сказать, что ненависть и агрессия — это не обратная сторона любви, а просто ошибка. Вспомним знаменитый эпизод из фильма Бунюэля «Золотой век», где мальчик резвится с отцом, собравшимся на охоту. Вдруг он выбивает у отца патрон из рук и бежит по полю. Отец рассержен и подстреливает своего сына, как дичь. Нельзя, по нашему мнению, сказать, что это действует негативный бессознательный импульс, таких импульсов не бывает. Отец просто рассердился на сына, у него произошло помутнение сознания, и он принял сына за

дичь в припадке ярости. Это была ошибка его сознания, нагнетание стереотипа. И любое преступление — это то же самое.

Рассмотрим также другой, более сложный пример из этого фильма. Герой (актер Гастон Модо) входит в гостиную и стремится к своей возлюбленной, дочери хозяйки дома, но приличия останавливают его. Он направляется к хозяйке дома и начинает с ней обычную светскую беседу. Она подает ему бокал вина и нечаянно проливает его ему на манжету. Вместо того чтобы сказать, что это пустяки, герой в бешенстве дает хозяйке пощечину, и его выводят. Он так поступает потому, что его влечению к героине помешала назойливая хозяйка салона. Что здесь сознательное и что бессознательное? Психолог скажет, что герой вытеснил свое влечение в бессознательное, и потом оно вырвалось наружу в виде бешенства и ярости. По нашему мнению, все обстоит по-другому. Бессознательным было само любовное влечение к героине (Леа Лиз), ему было противопоставлено светское приличие, стереотип, которому герой на время подчинился. Но его ярость от помехи прорвалась наружу. Но не из бессознательного. Откуда же? Это один из самых важных вопросов. Герой ведь не вытеснял своего влечения к героине, он полностью был поглощен им. Его ярость и пощечина — это протест против социальных стереотипов, протест пусть безобразный, но идущий не от бессознательного. Это просто реактивное образование его Я против навязанного ему обществом стереотипа. Если бы он сразу мог подойти к возлюбленной, в этой пощечине не было бы надобности.

Итак, агрессия, по нашему мнению, — это обратная сторона социальных стереотипов, а не выброс из бессознательного. В этом плане я также не согласен со второй топикой Фрейда — Сверх-Я и Оно. Если есть Сверх-Я, то оно носит социальный, осознанный характер. Разве *бессознательно* отец приучает ребенка к нормам и запретам? А если нет одного полюса, то нет и другого? В бессознательном вообще нет никаких полюсов — там царит примиренность и синкретизм всех

противопоставлений. Бессознательное направлено на креативность и созидание. Поэтому стремление героя к героине, его страсть, направленная к героине, носит творчески бессознательный характер. А его ревность и ярость носят характер реактивного протеста против социальных норм. Другое дело, что поскольку этот фильм — один из ярчайших примеров психотического дискурса, то в нем сознательное и бессознательное дано гротескно — режиссер упивается теми абсурдными смыслами, которые дает психотическое мышление, носящее, как мы уже отмечали выше, характер карикатуры на бессознательное.

Можно спросить: а не слишком ли преукрашено такое понимание бессознательного? Но мы не видим ничего прекрасного в том, что бессознательное обеспечивает человека информационными программами, которые не доступны его сознанию. Представим себе компьютер. Он дает только позитивную, полезную информацию, если, конечно, он взаимодействует с человеком, как бессознательное взаимодействует с сознанием. Разве может компьютер сделать человеку что-то плохое, дать ему разрушительную программу? Только если он сломался, он будет делать не то. Но факт его поломки не будет иметь никакого отношения к его устройству, к его бессознательному. Это будет реакция на то, что его окружает, на его эксплуатацию человеком.

Бессознательное, понимаемое таким образом, обладает фундаментальным свойством: оно ничего не говорит (в противоположность мнению Лакана, зачарованного структурализмом). Оно передает все невербально. Бессознательное имеет внесемiotический характер, так же как шизофрения, карикатура на бессознательное, имеет постсемiotический характер, о чем мы неоднократно писали. Вспомним эпизод из того же бунюэлевского «Золотого века», когда дирижер управляет оркестром, а герои рядом в саду предаются любви, вернее, пытаются это делать. Их страсть бессознательно передается дирижеру. Он бросает палочку и бежит

в сад в объятия героини, в свою очередь очарованной его музыкой. Вот это настоящее действие бессознательного. Герой в ответ на это отвечает ревностью и яростью: он бежит в комнату, вспарывает подушку, рассыпает пух по всей комнате и выбрасывает из окна различные предметы. Назовем ли мы его действия бессознательными? Нет, конечно.

Подведем итог. Если понимать бессознательное как созидательную творческую силу, то вся социальная история человечества, обычно объясняемая в духе Адлера вырвавшимся на свободу, а до этого вытесненным комплексом неполноценности (т. е. войны, инквизиция и прочее историческое зло, во всем это виновато бессознательное, носящее деструктивный характер), носит характер отсутствия бессознательного и отсутствия внимания к нему. Бессознательное же будет господствовать в историях любви и преданности творчеству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брил, А. (1999) Лекции по психоаналитической психиатрии. М.
- Делез, Ж., Гваттари, Ф. (2007) Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург.
- Лапланш, Ж., Понталис, Ж.-Б. (1994) Словарь по психоанализу. М.
- Леви-Стросс, К. (1985) Структурная антропология. М.
- Тэхкэ, В. (2003) Психика и ее лечение: Психоаналитический подход. М.
- Успенский, П. Д. (2003) В поисках чудесного. М.
- Юнг, К. Г. (1997) Воспоминания. Размышления. Сновидения. Киев.
- Юнг, К. Г. (2005) Психология бессознательного М.
- Crow, T. (1997) Is Schizophrenia the Price that Homo Sapiens Pays for Language // Schizophrenia Research. Vol. 28. №2. P. 127–141.

Научная жизнь

25–28 мая 2010 г. в Санкт-Петербурге состоялось награждение лауреатов конкурса «100 лучших организаций России. Наука. Инновации. Научные разработки». В составе Оргкомитета конкурса: вице-президент РАН, академик РАН Ж. И. Алфёров; заместитель председателя Комитета Государственной Думы по образованию В. Е. Шудегов; председатель Комитета Совета Федерации по образованию и науке Х. Д. Чеченов; председатель Комитета Государственной Думы по науке и наукоемким технологиям В. А. Черешнев; президент Международной академии качества и маркетинга Р. Р. Кашапов. Московский гуманитарный университет стал победителем в номинации «100 лучших организаций России в области науки и образования». Ректору МосГУ профессору И. М. Ильинскому в торжественной обстановке вручен почетный знак «Ученый года».